

Грантовцы тогда и сейчас

Алексей Чистяков. 1960-е. И на открытии мемориальной доски. 2014 г.

Борис Тверской

Боря Тверской. 1960-е

Лена Гунбина. Конец 1960-х – начало 1970-х и на открытии мемориальной доски

Слева направо: Ник Саныч, Грант и Витя Гуревич. 1960-е. И Витя – на открытии мемориальной доски в 2014 г.

Таня Полетаева и Надя Пастушкова. Середина 1970-х. На открытии мемориальной доски Надя – слева. В центре – Володя Либо.

Дима Зеленко. Начало 1970-х и в наши дни

Оля Слободкина. 1973 г.

Ольга Слободкина-von Bröttsen в Доме Дружбы на вернисаже своей персональной выставки «Льется лента неровной жизни – вода»

*Наташа Ратнер (третья слева). В белой рубашке – Толик Грачев.
Конец 1960-х – начало 1970-х*

Оля Уманская (слева). Сергей Штейн («Ёж»), Витя Гуревич, Михаил Голосовский. Сидят – Витя Шамис, справа от него – Наташа Ратнер. Израиль 2014 г.

*Алла Южакова (Милованова) и Женя Бабенко в 1970-е
и на открытии мемориальной доски*

Женя Гальперина. Конец 1960-х – начало 1970-х

Женя Гальперина с мужем в наши дни

Люда Данилина и Таня Пахомова. 1971 г. Карельский поход. На дальнем плане – Грант

Люда Данилина (Тихоненкова) на открытии мемориальной доски

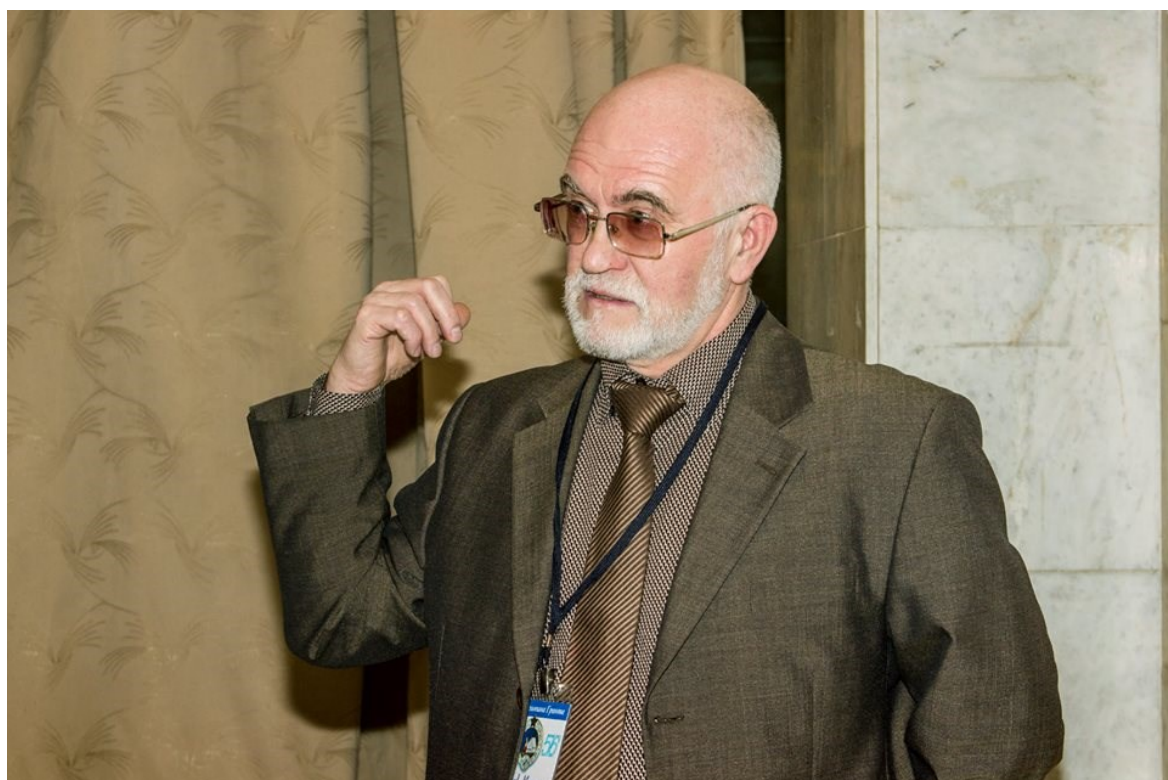

Сергей Васильев /Sthein («Ёж»). 1960-е и в наши дни

Михаил Антонов. 1950-е. и на открытии мемориальной доски

Анатолий Мельников (справа). 1950-е. Постановка палатки.

На одной из встреч грантовской сборной группы 1950-х

*Боря Тверской, Виктор Сурконт и Николай Мамырин (35 англ. школа). Лагерь на Сходне.
Конец 1960-х*

Виктор Сурконт и Николай Мамырин в наши дни

Слева направо: Артем Терентьев, Таня Полетаева, Лена Анохина, Алла Суховилова, Аня Колотушкина, Женя Сахаров, Андрей Шевченко. Середина 1970-х

*Алик Ковалев, Артем Терентьев и Таня Полетаева
на открытии мемориальной доски*

Лена Волкова и Лена Гунбина в лагере на Сходне. Начало 1970-х. Лена Гунбина ходила с Грантом и, когда уже начала работать, до 1983 года.

Elena Volkova. В Новой Зеландии. Горный маршрут Рутберн

Наташа Душкина и Лена Волкова и Наталия Олеговна Душкина в наши дни

Миша Сарайников. 1970-е и на открытии мемориальной доски

Слева направо: Витя Гуревич, Артем Терентьев, Андрей Дудинов и Миша Сарайников

Слева направо: Саша Стальнов, Толик Грачев, Боря Тверской и Витя Шамис. Конец 1960-х.

Виктор Шамис в наши дни

*Леша Руф (слева), Лариса Гришкова и Люба Ермакова (24 франц. школа).
Середина 1970-х*

Алексей Леопольдович Руф в наши дни

Наташа Безбородова, Лена Анохина, Тая Бондарева и Лена Миртова на занятиях в кружке. Начало 1970-х

Наталія Кутахова (Безбородова) на 60-летті 24 франц. спец.школы. 2013

Оля Слободкина, Галя Белогривая, Тая Бондарева и Игорь Шугинин (справа). 1972 г.

*Шугинин Игорь Олегович на открытии
мемориальной доски*

Тимур Кулевой (слева) и Сергей Грибков

Кулевой Тимур Вячеславович на открытии мемориальной доски

Второй слева – Андрей Шевченко. В центре – Володя Коновальцев. 1970-е

Володя Коновальцев на открытии мемориальной доски

Андрей Шевченко (слева) и Паша Сухарев с сыновьями – Димой и Серафимом. 2005 г.

Паша Сухарев в середине 1970-х

Саша Стальнов и Алик Ковалев. 1970-е. Алик Ковалев на открытии мемориальной доски

Алик Ковалев. Лагерь. 1970-е

*Слева направо: Сережа Маренков, Люба Печникова, Женя Ернылев и Сеня Цейтлин.
Конец 1960-х. Семен Григорьевич Цейтлин в наши дни*

1972 год. Виталий Сапогов, Таня Пахомова,
Оля Слободкина. В ожидании теплохода на о. Хачин

Виталий на моей персональной выставке в Новом театральном центре на Страстном

Витя Райкин («Белый бизон», «Начитима»), в центре, на занятиях в кружке. Слева – Гена Плужников, справа – Саша Киреев («Куса»). 1970-е. Виктор Райкин в наши дни

Саша Питаев (в центре) в Карельском походе. 1971 г.

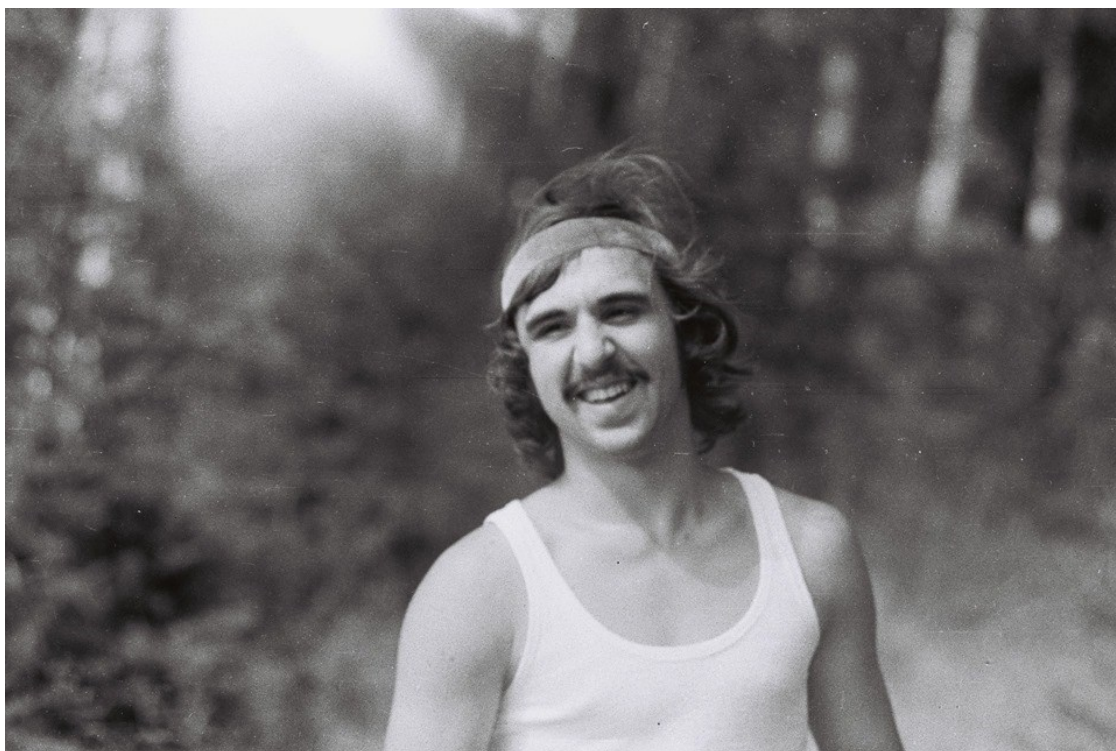

Александр Райгородский (Питаев) в наши дни

Миша Голосовский. Начало 1970-х и в наши дни

Андрей Дудинов. Середина 1970-х и на встрече грантовцев в офисе Руф Аудит

*Таня Осипова, Таня Иванова, Андрей Юсикайнен.
Лагерь на Сходне. 1970-е.
Таня Иванова на отдыхе в наши дни.*

Таня Трошина. Середина 1970-х

Вася Додонов и Таня Трошина (справа) на одной из встреч грантовцев

Оля Оленева. Конец 1960-х

Ольга Сабина (Оленева)

Ира Малькова и Лена Анохина. 1970-е.

На одной из встреч грантовцев. Слева направо: Ира Малькова, Валерий Кожин, Надя Семенова, Ник Саныч Пашинин, Надя Пастушкова, Андрей Шевченко

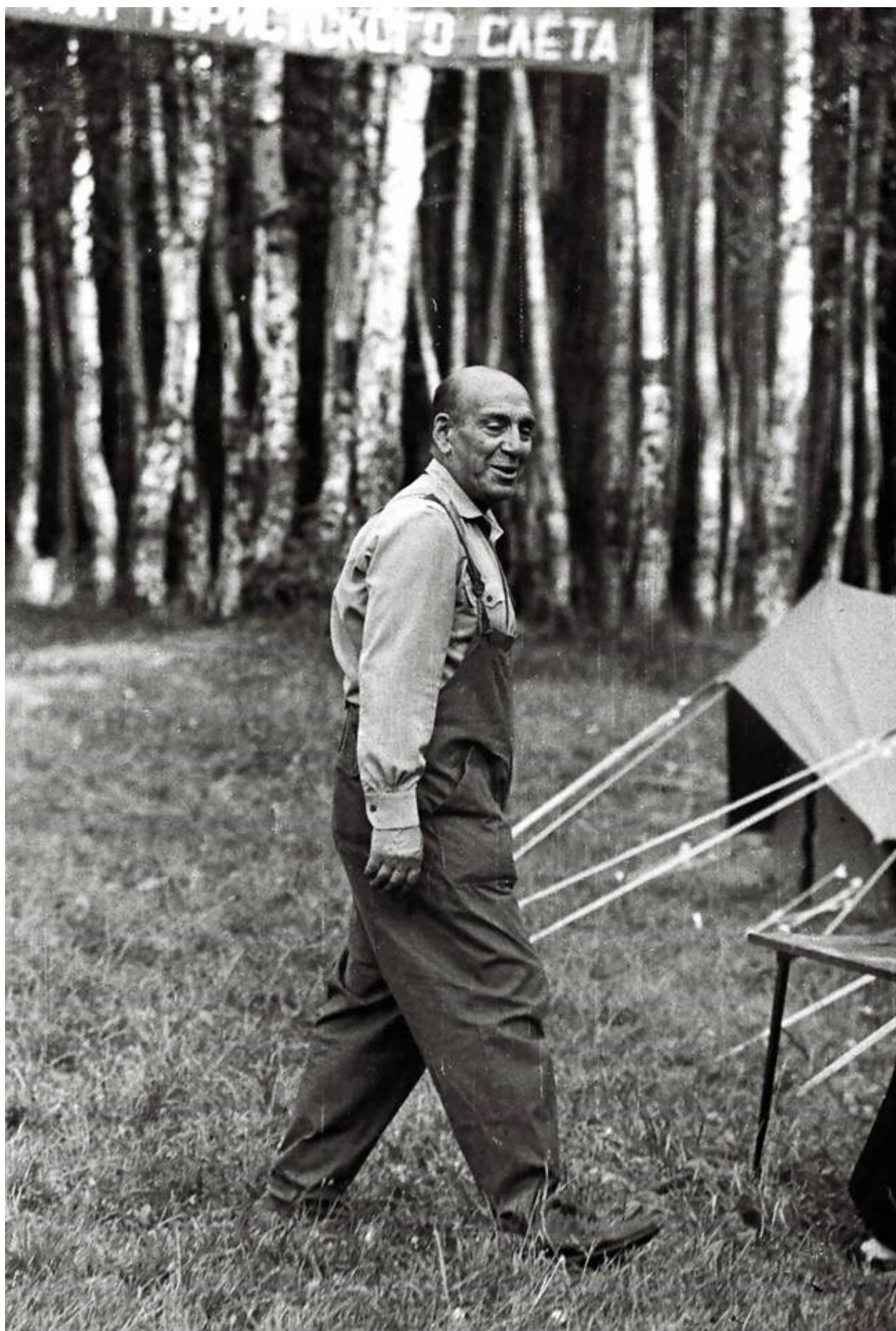

Наши дорогие инструктора Николай Александрович Пашинин (1934 – 2003) и Саша Стальнов в 1970-е. Как написала мне жена Саши, Людмила Стальнова: «В этом году (2017) Стальнов посмеялся бы над своими "семьюдесятью" годами... 9 июня 1947 года. Чуть-чуть не дожил до 54-х (ск. 26 мая 2001 г.)»

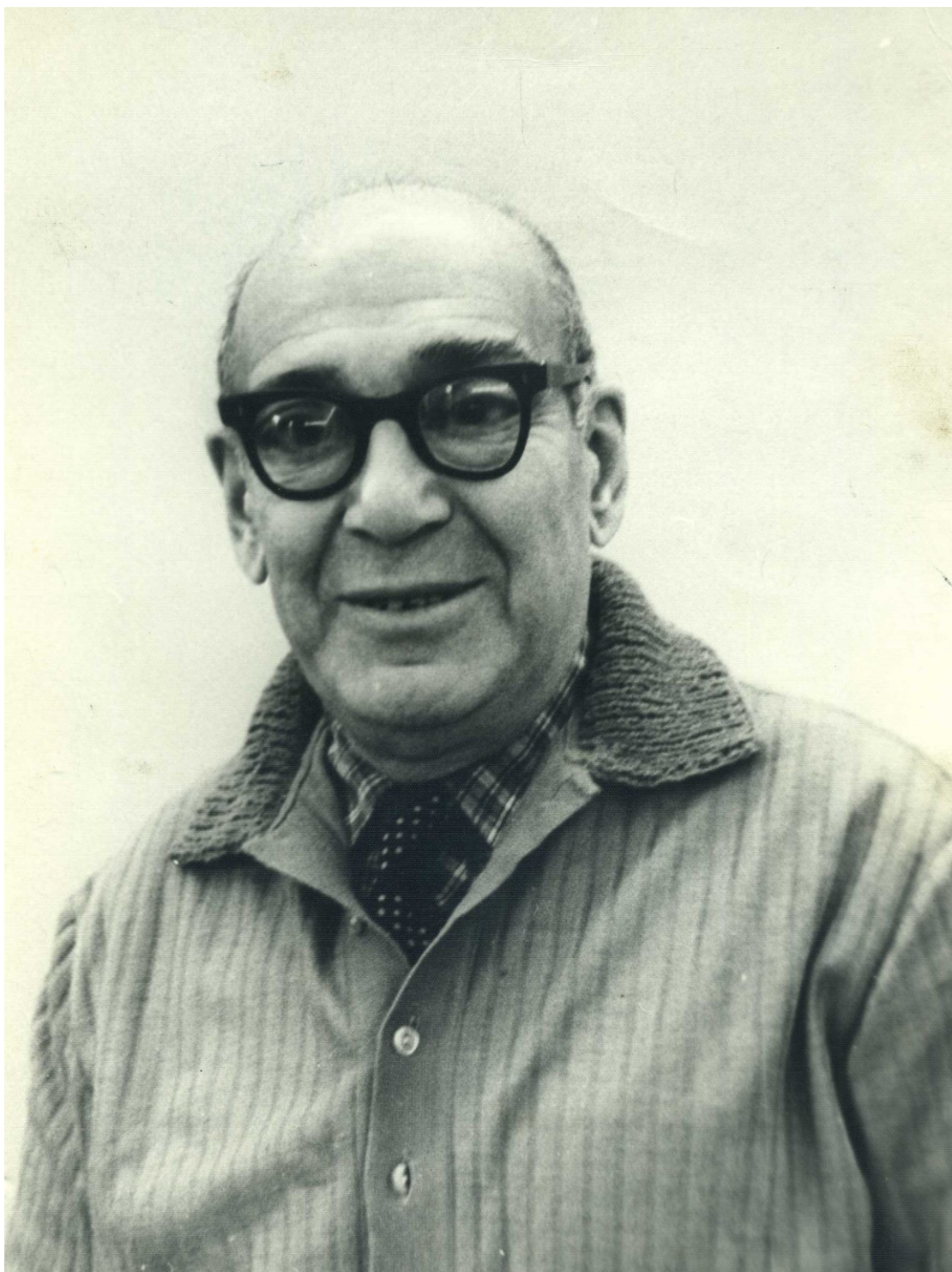

Еще один значимый член клуба. Август Давидович Шапиро. (04.11. 1941-15.08.2005)

Работал во Дворце пионеров с 1960-1973 г.г. сначала педагогом тур. отдела, затем зав. Комсомольским кабинетом. Ходил в походы с грантовцами конца 1950-х, в частности с Анатолием Мельниковым. Заслуженный учитель. Директор 613 школы на улице Чаплыгина, одной из лучших школ района, где учились некоторые наши друзья-грантовцы, затем – директор Интерната № 28 Бауманского района для слабослышащих детей. С 1990 – 2003 г.г. – директор Санаторно-Лесной школы №1. Водил детей в походы по всей стране. По словам его дочери Лады, свадьбу праздновал в лагере на Сходне в 1968 г. (жена: Красавина Маргарита Васильевна). Лада родилась в апреле 1969 г., и первые ее шаги – по буму в лагере на Сходне, куда семья приехала летом того же года...

Грант Александрович на тур. слете. Середина 1970-х

*Одна из последних фотографий Гранта Александровича (из архива семьи Генженцевых).
На обратной стороне написано (по всей видимости Светланой Петровной): «Я тебя
никогда не забуду. Я тебя никогда не увижу»*

Светлая память нашим ушедшим друзьям

Саше Берману (1960–2016)
Славе Генженцеву, сыну Г.А. (1947–1969)
Светлане Петровне Генженцевой, жене Г.А. (1923–2001)
Людмиле Грантовне Генженцевой, дочери Г.А. (1945–2006)
Ирине Генженцевой, внучке Г.А. (1975–2018)
Толику Грачеву (1955–2008)
Сергею Грибкову (1963–1997)
Александрю Гришкову (1963?-2019)
Вите Гуревичу (1954–2016)
Васе Додонову (1958–2012)
Андрею Евдокимову (1955 - ~1980-е)

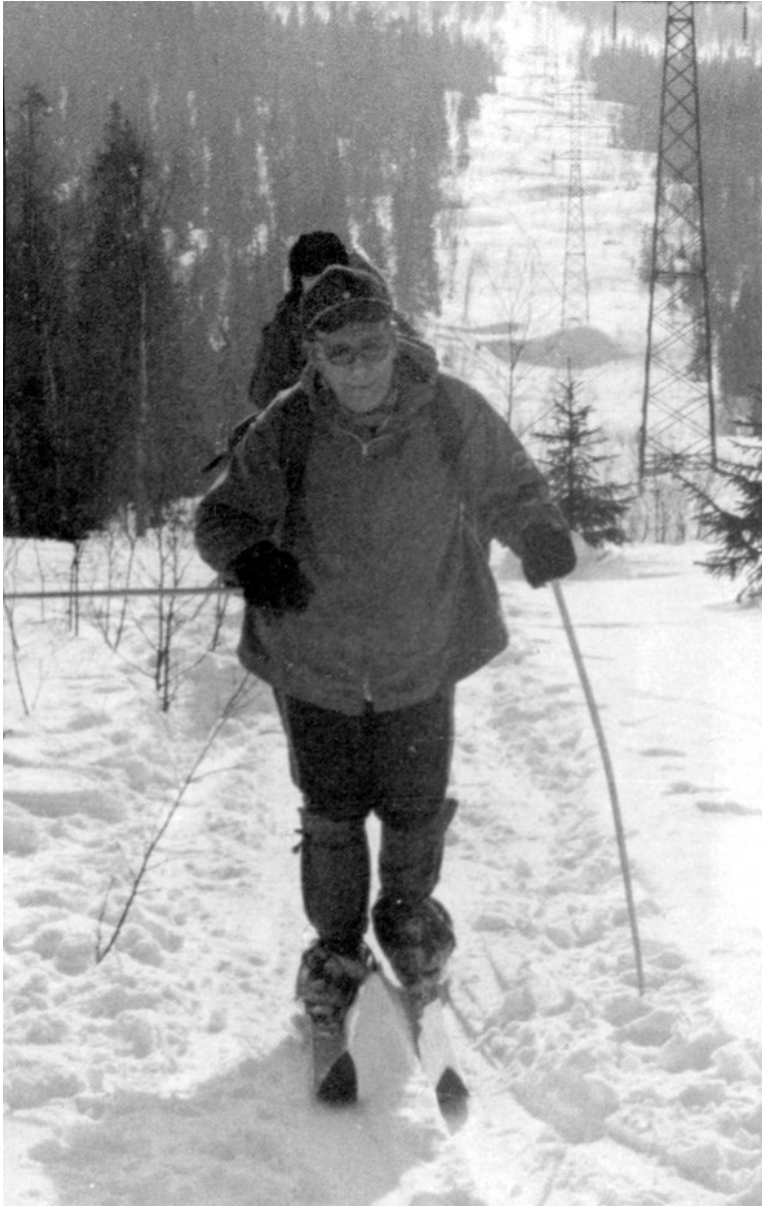
Валерию Кожину (1959-2018)

Ане Колотушкиной (1960–2010)

Ире Мальковой (1958–2006)
Анатолию Мельникову (1942–2013)
Наде Николаевой (1958 - ~ конец 1990-х/начало 2000-х)
Николаю Александровичу Пашинину (1934–2003)
Галине Гавриловне Пашиной (1931–2013)
Мише Пичугову (1949–2001)
Мише Сарайникову (1956–2015)
Жене Сахарову (1960 - 2000)
Виктору Соколову (1941–2010)
Саше Стальнову (1947–2001)
Мише Стецовскому (1962-1985)
Саше Стецовскому (1953–2014)
Алле Суховиловой (1959 - ~начало 2000-х)
Борису Тверскому (1956–2015)
Ире Трофимовой (1955 –1993)
Тане Трошиной (1960–2016)

Александру Цепкову (1941–2017)
Игорю Черкасову (1960–2016)
Августу Давидовичу Шапиро (1941–2005)
Андрею Шевченко (1960–2010)
Саше Штернбергу (1955–2007)
Саше Шуваеву (1950–2014)
Андрею Юсикайнену (1960 - ~1983/1984)
Анатолию Ярышеву (1944–2014)

Гранту Александровичу Генженцеву (1913–1983)

Когда я оцифровала негативы Саши Стальнова 1974-1975 годов, с удивлением обнаружила и свои фотографии. Оказывается, я еще занималась в кружке у Гранта в 1974 году – до лета. Потом началась подготовка к 17 спец. Одна фотография меня просто поразила.

Оля Слободкина. 1974 г.

Опуская точки

*Странное ощущение –
снег в середине мая,
на зеленой траве,
не деревьях,
когда яблони – в белом цвету*

*И тюльпаны,
станы свои расправляя,
хрупкие головы поднимая,*

*(звезды дневные),
могут случайно влюбиться
в ночную звезду*

*Странное ощущение
увидеть вдруг,
еле себя узнавая,
старое фото
юности безмятежной, безгрешной,
нежности и красоты бесконечной,
грусти и девственности безупречной
и удивиться,
как Дух озарял твою внешность*

*Странно –
знать,
что ты любишь на расстоянии*

*Я тоже люблю,
но иначе,
струн плоти не задевая
и оставаясь
твоим потрясением,
как снег в середине мая*

12 мая 2017

Письмо от Михаила Антонова

Спасибо Оля!

Все здорово!

*Хотя внимательно вчитаться еще не успел.
Но есть по тексту два замечания:*

*1. Грант не создавал тур. клуба на Стопани.
После переезда Городского дворца пионеров на Воробьевы горы здание отдали Районному Дворцу, а незадолго до этого Бауманский и Красногвардейский районы объединили. И он со всем своим хозяйством просто переехал на Стопани. А когда кружок стал «Клубом детей капитана Гранта», не знаю. Мне всегда казалось, зная его, что это при нем была шутка – такой прикол.*

2. Мы не «самые первые Грантовцы». До нас он уже работал много лет, лагерь на Истре существовал, и многие его ученики были вполне взрослые люди, когда собирались на ежегодный послепоходник в конце сентября в большом зале на Бауманской (здание бывшего Купеческого собрания, теперь там театр «Модерн» и все перестроено).

Еще раз, спасибо

М. Антонов

29 сентября 2016

«Чуть ли не первых грантовцев» в очерке об открытии мемориальной доски заменила на «сборную группу 1950-х Мельникова-Антонова-Супье». Потом еще долго выясняла с Чистяковым, к какому району относился тогда Дом пионеров на Спартаковской. Вроде, это тоже был Бауманский район.

Письмо от Леши Руфа

Оленька! Ты – просто супер! Абсолютно гениально!

Как будто еще раз прожил нашу юность, наши первые эмоции, наши первые шаги в самостоятельную и ответственную жизнь!

Какое счастье, что в нашей жизни был Грант! Скала и кладезь! Его доверие к нам сформировало нас! Заложило основу!

*Спасибо тебе за твой труд, твою одержимость и веру!
Даже в электронном виде это твоё создание бесценно!
Спасибо!!!*

*С уважением,
Алексей Руф*

27 января 2018

И еще одно письмо от Сени Цейтлина: 31 января 2018 г.

Оля, привет.

Опять приходится извиняться – только вчера, получив Ваши мейлы, сообразил, что начал писать ответ, ещё будучи в горах, но так и не закончил (из-за погоды отменили мой обратный рейс в ЛА, а вернувшись, закрутился с бесконечным ремонтом ...)

Каюсь. (...)

Получилось у Вас отлично.

Как я понимаю, я уже запоздал поправить, но меня Вы явно приукрасили – в математическую школу я не переходил. (...) Заканчивал (...) 657-ю, как и Гуревич (...)

Да и «работал инструктором» тоже явное преувеличение: году в 73-74-ом у меня была практика на полигоне МАДИ (рядом с Чёрной Грязью), и Грант разрешил мне провести несколько недель в лагере. Естественно, возвращаясь с полигона где-то после 12:30, я проводил там какие-то занятия, но полноценным инструктором, конечно, не был.

И, кстати, о Начитиме и Белом Бизоне.

Когда Витька только пришёл в лагерь, он был совершенно захвачен историями об индейцах (постоянно их пересказывал, разыгрывал ...). Насколько я помню, основными персонажами как раз и были Начитима и Белый Бизон.

Так что в какой-то мере Витька действительно получил эти «клички» в результате своей начитанности...

Оля, ещё раз — у Вас всё отлично получилось. Вы молодец. Пока.

С.

31 января 2018

Также становится понятным, почему Витя Райкин поставил в тупик своего командира группы Лену Волкову, выясняя у нее, в чем разница между топором и томагавком, как она мне поведала на фб. Когда я спросила ее, что она ему на это ответила, она написала уклончиво: как-то выкрутилась...

Елена Волкова

Вообще – хорошая книжка. Я вчера... не то, чтобы обревелась, но очень расчувствовалась. Не могу об этом периоде писать, он очень личный. Это – моя плоть и кровь. Я живу по Гранту. Когда умер Витька [Гуревич], я много писала об этом в дневнике. И это – только для дневника. Все эти «девушки из таверны» [песня Новеллы Матвеевой] – это я. Не просто песни, которые мы пели. Поэтому писать об этом периоде не могу, хотя это, как Пушкин, – «наше все».

Да, и кружок не назывался «Дети капитана Гранта». Слово это – дети капитана Гранта – бытовало, но мы себя так не называли. Как-то не комильфо было. Мы пришли в «Школу инструкторов по туризму» и ее прошли, и закончили.

Название звучало по-взрослому, и мы им дорожили. Грант сам никогда не назвал бы свое детище – Тур. клуб «Дети капитана Гранта». Название пришло от людей случайных, помелькало в прессе, и, видимо, осело уже после нас.

И хочу добавить, как Грант на «Туристе» посвящал всех в туристы. Мы стояли по кругу, или сидели на скрещенных палках, не помню точно, а он обходил всех и что-то шептал на ухо каждому. Это было как посвящение в рыцарство!

[Здесь так и хочется воскликнуть: Аксиос! (греч. ἄξιος — «достойн»)
Но скорее всего при посвящении в рыцари звучал другой
возглас. Тогда — Adoubement! Или Акколада! Так
называлась церемония посвящения в рыцарство.]

февраль 2018

О Вите Гуревиче

Лена Волкова

О Гуревиче у меня очень хорошие, пронзительно-хорошие воспоминания. Когда мы встретились, нам было 12, а ему - 13. Дети. И чисты, как дети. Витька уже тогда был правой рукой Гранта и прирожденным лидером, человеком с магнетической харизмой. Для нас — практически полубог. В наших глазах он был воплощением «грантизма» — тем, чем нам мечталось стать. Для меня лично, да, впрочем, и для всех, он был Орфеем «грантизма». Он пел стихи Бродского тогда, когда я этого имени и не знала даже. Он пел стихи КСПэшников: Кукина, Клячкина. Он пел хорошую поэзию. Поэзию странствий и любви. Передо мной раскрывался мир загадочный и манящий. Я хотела стать той женщиной, о которых он пел. Чтоб рушились льды, синел океан, пели птицы в тропическом лесу. Вот уж поистине: бойся своих желаний, они имеют тенденцию сбываться! Вместе с тем,

Витька был очень хорошим другом. Я мысленно равнялась на него, очень им дорожила и знала, что могу на него положиться. Но как-то по большому счету не пришлось. За исключением одного раза, в мартовском походе, в который мы ушли уже самостоятельно. Мы были в десятом классе, а Витька с двумя своими друзьями уже закончил школу и работал у Гранта. Нас было семь человек. Мы с Леной Гунбиной – единственные девочки. И вот опять же – о чистоте отношений между мальчишками и девчонками. Мы остановились на ночь в одной деревенской школе. Женщина, которая открыла здание школы для нас, оглядела нас с ухмылкой. «И две девочки, чтоб веселее было», – откомментировала она наше с Ленкой присутствие. «Ну, не идиотка ли»? – переглянулись мы. В том походе, в самый последний день, я сломала ногу, и Витька нес меня на руках. Потом навещал в больнице, принес роскошные гвоздики. Это было перед самым призывом в армию. Помню, как он говорил тогда: «Если заставят идти против народа, разверну пулемет»! Я была свидетелем у них с Ленкой на свадьбе. Со стороны жениха в этой роли выступил Грант. Первая свадьба на моей памяти, и вообще событие значительное. С этого времени начался отсчет нашей взрослой жизни. Пару дней я думала о Гуревиче и о той роли, которую он сыграл в моей жизни. Он, безусловно, вылепил что-то во мне. Любовью я это не назову, но это была такая душевная близость. «Мы одной крови, ты да я». Витька мне как брат. Брат – будет самое точное определение. Брат-ветер.

26 марта 2018

Post Scriptum

И еще хочется добавить, потому что это очень важно. Витька рано ушел из жизни, но я ни в коем случае не назову эту жизнь несостоявшейся. Он был нонконформистом, всегда и во всем. И остался верен себе до конца. И в этом состоялся.

27 марта 2018

Оля Слободкина

Я Гуревича вообще не знала по лагерю. Только слышала о нем – от всех «стариков». Он был для меня легендой.

Впервые увидела его в 2003 году на вернисаже моей выставки памяти Гранта Александровича во Дворце. Оказалось, она совпала с 90-летием нашего учителя, – все не случайно. Тогда даже не думала об этом.

Потом работала с Витькой на первом этапе проекта к 100-летию, но, конечно, он помогал и с доской.

Я очень его полюбила душевно, хотя и понимала: за его харизмой, отличным юмором («Наконец-то я слышу твой голос!?! А то – одни смс-ки от тебя. Радистка Кэт»)! «А я хочу в следующей жизни стать колючкой. Верблюд меня съест, будет польза верблюду», «Ёж» взял фамилию жены, уехал в Израиль и там учиться на еврея»), необыкновенным умением общаться, общаться так, чтобы человек остался бы в лепоте, – пропасть... Пропать неодолимая. Не состоявшаяся профессиональная жизнь и... пагуба... – да

упокоит Бог его душу. Он пытался работать инструктором по туризму в школе, потом в милиции... «Мечтал стать сыщиком, – сказал на поминках его отец Леонид Борисович, – но ненавидел начальство, подчинение и власть, вступал в конфликты. Так нигде и не прижился». В конце жизни несколько лет работал в котельной. «Вот, все от котельной – к искусству, а я от искусства – к котельной!»! Смеется. Горькое остроумие. «Я работаю в котельной, даю людям тепло» ... С подтекстом: «А ты, вот, даешь людям тепло»?

Одновременно он оставался тем человеком, которым и был всегда, – бардом, внутренним диссидентом... Не обывателем ни на секунду. Человеком, который не смог себя найти, но и не смог себя потерять. Он очень много знал, читал хорошие книги. Я надеялась, он снова начнет работать во Дворце, будет хотя бы вести теоретические занятия в кружке. Но кружка не стало. Нового руководителя нам не удалось найти. А Витька уже стремительно пошел вниз по здоровью... Ему уже было ни до чего.

В 2014 году, после открытия доски, когда здоровье было еще в относительной норме, он съездил в Израиль – к брату. Лешу Гуревича отправил в Израиль на лечение Тимур – еще одно проявление грантизма: помогать, где можешь. Там Гуревич младший и остался на пмж. В Израиле Витька встретился и со всеми старыми друзьями – Витей Шамисом, «Ежом», Мишей Голосовским, Наташей Ратнер, Олей Уманской... Потом у него на фб или в одноклассниках появилась фотография, где он в длинной белой крестильной рубашке стоит в реке. Я спросила: «Вить, ты что – крестился в Иордане»? – «А что есть другие приличные места»? – ответил он. Я очень обрадовалась, стала подавать

за его здоровье записки в церкви, но потом выяснила, что и крестился он по-своему, без священника. Но все-таки крестился. Сделал свой выбор. Когда мы обсуждали вопрос веры, Витька сказал: «Я чувствую Христа». «Сказал, что чувствует Христа? Это огромно!» – воскликнула Лена Волкова.

Осенью 2016 г. его положили в один из подмосковных хосписов. Многие друзья навестили его там. Он показал нам такое мужество в тяжелой болезни – до последнего не сдавался, играл на рояле, сидя уже в инвалидной коляске. В свое время Витька виртуозно исполнял даже Баха на гитаре, как сказал мне Виталий Сапогов, – жаль, я никогда не слышала. Я тоже собралась к нему съездить, но мы отложили визит, к нему поехал Тимур, а я пошла в тот день на 80-летие Дворца с Игорем Шугининым, Сашей Власовым и Аликом Ковалевым. Это была суббота. В понедельник оказалось, что Витьку уже выписали, и я отправилась к нему домой – его забрал к себе Женя, его сын. Он лежал в кровати и выглядел совсем маленьким, как будто уменьшился. Но продолжал шутить: «Это что за Штирлиц тут по мне ползет!» – на кошку. Не успела я прийти, он моментально взял электронную сигару, и вот, передо мной уже – Havana Club... («Вить! Мне сказали..., а ты хорошо выглядишь...» - «Не дождетесь») Начал говорить со мной о нашей книге, но я сказала: «Это все чепуха». «Да, это все чепуха», – серьезно подтвердил Витька.

Проблем было много: купить специализированную кровать, спец. матрас, нанять сиделку и т.д. То есть, устроить его новую жизнь дома... Я уехала и разбомбила смс-ками всех достигаемых грантовцев. Материальная

помощь шла отовсюду, даже из Австралии... Витька почувствовал: у него действительно есть друзья. Грантовцы приходили к нему каждый день... Кровать и матрас купили... Но уже 13 ноября я получила смс от Артема Терентьева: «Витя Гуревич умер сегодня» ... Я ехала из Храма Христа Спасителя, где только что заказала за упокой Танечки Трошиной (ее не стало 16 октября), и вот еще одно печальное известие... Я вышла из троллейбуса на Маяковской, стояла на ветру, рассылая всем эту смс-ку, – всем тем, кого еще недавно просила помочь устроить новую жизнь Витьки... Но ветер меня не пронизывал. Он был за меня – вытирал мне слезы. Ветер-брат.

На прощании Таня Иванова сказала именно такие же слова, как Лена: «Кого мы хороним? Друга. Старшего брата» ...

Девять дней каждый отметил, как мог. Семья собралась дома, я пошла в храм, Алик Ковалев встретился днем с Алексеем Чистяковым – помянуть Витьку, а Надя Пастушкова поехала к Тане Полетаевой и Володе Коновальцеву. Весь вечер слушали Витькины песни. Я тоже слушала – только у себя. Мне особенно нравится про Лёньку Королёва. Потом стояла в храме, и эта песня продолжала крутиться у меня в голове. «Я, когда к Ежу ездил, мы тоже слушали и плакали», – написал мне Леша Гуревич. Теперь эти песни можно найти в Интернете – хорошо, что Витька успел записать их на YouTube. Он ушел от нас, но он и остался с нами. Однако... порой так хочется ему позвонить, услышать его голос, а не только строчить..., как радистка Кэт.

26 марта – 18 апреля 2018

Памяти Вити Гуревича

*Зияет брешь...
Ты больше не согреешь
нас дружеским общением,*

*Шутя,
ты не откроешь смеха галереи,
оставив без билета злобу дня.*

*И, растворив остротой напряжение,
ты дух наш не поднимешь в высоту.*

*И не предложишь новые идеи,
отринув ересь и туфту.*

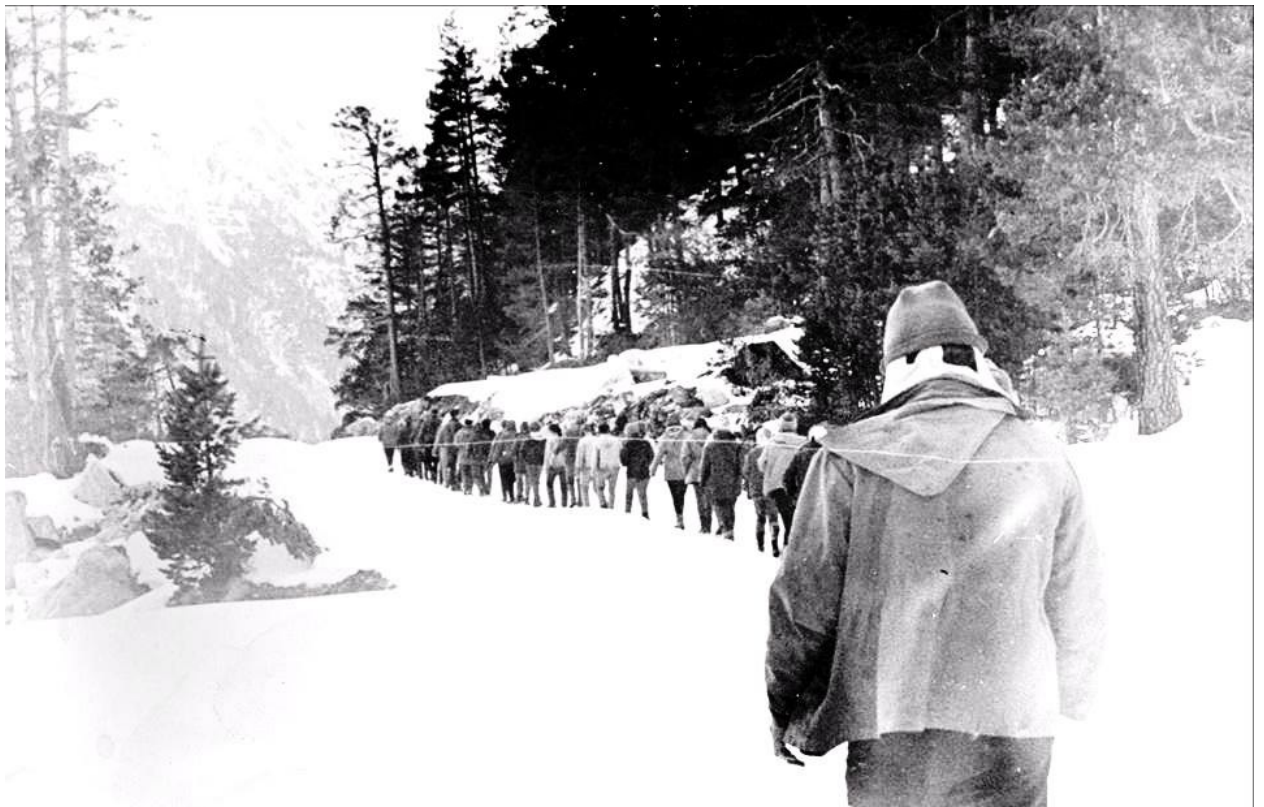
*Но это здесь.
Зияет брешь...*

*А ТАМ
душа твоя жива.*

*Молитвы,
свечи
и Акафистов слова -*

*всё, всё - тебе
и
для тебя.*

декабрь 2016

Кавказ. 1970 г.

Грант с инструкторами. Слева от него – Алик Ковалев, справа – Паша Сухарев. 1970-е.

«Грантизм», как я теперь понимаю, – понятие весьма разветвленное. Гриша Ключарев написал мне:

Очень здорово получается – мне, как и Сереге Решетникову, приходится смахивать слезу от текста и фотографии, и Ваших, Оля, комментариев.

Потом спрошу, сколько экземпляров книги можно заказать (детям, нам, 7-8, а то и более)? И спасибо за упоминание моей фамилии. Есть раздел про Иришку, а это самое главное для меня.

*Еще раз спасибо огромное.
Григорий*

Я поинтересовалась, кто такой Серега Решетников, Гриша ответил, что он учился с Витей Райкиным в одной школе. И вот, какое я получила письмо:

Из «детей капитана Гранта» я знаю троих: Иру Малькову, к сожалению, безвременно ушедшую от нас, Витю Райкина и Сашу Киреева. Со всеми я познакомился через Райкина. А он меня сам нашел.

В свои 13 лет Витька вдруг увлекся индейцами и с присущей ему энергией стал искать единомышленников. Кто-то шепнул, что, дескать, Сережа Решетников когда-то читал Фенимора Купера. Несмотря на то, что я тогда был уже солидным 14-летним юношей и на игры в индейцев смотрел свысока, Райкин, этот гений коммуникации и феноменальный источник энергии, моментально перекрестил меня в свою веру.

Последующие два года с Витькой мне сравнить не с чем - это была какая-то сказка. Мы не просто выбрали из московских библиотек все, что было написано про индейцев на русском языке (в конце концов добрались и до Ленинки): читали все иностранные книги, которые попадали в руки, - переводили с немецкого, с английского, с чешского, с украинского. Писали письма американскому президенту, чтобы тот освободил коренных жителей Америки, по именам, как родственников, знали всех американистов-этнографов РАН, и проч., и проч.

Виктора избрали вождем племени шауни, его подлинное имя Начитима, что означает «Украшающий себя перьями» (здесь предположили, что Начитима значит «начитанный», нет, это просто созвучие, хотя в образованности нашего вождя едва ли кто усомнится). [Про Начитиму от «начитанный» мне поведал

Миша Сарайников, когда мы ездили заказывать значки. Витя со мной в индейцев не играл в лагере, да и сама я не очень интересовалась темой – ну, как-то прошло по касательной, классе в 5-ом, но не до такой степени, чтобы переводить с чешского или с украинского. Я и вообще-то германские языки больше остальных люблю – в 13-14 лет зачитывалась “Romeo and Juliet” в оригинале после фильма Франко Дзефирелли. По Шекспиру, только уже по комедиям, была и кандидатская (научный руководитель А.В. Кунин). Не закончила, к сожалению, перестройка началась, и вместе с ней – новые перспективы. Ольга Слободкина-von Brömssen]

В туризм к Гранту Райкин пришел, потому что индеец обязан уметь жить в лесу, как дома. В индейском вигваме он нашел и свою будущую жену - Та-Ваг («Белую тучку», ее московское имя - Галя), на их свадьбе я был свидетелем. Скоро уже 30 лет, как они с двумя дочерьми живут в США.

Признаюсь, меня удивил рассказ о том, как Витя Райкин в лагере у Гранта порубил топориком рубашку инструктора, вроде как в отместку за что-то. Не поверю, пока Витька сам не подтвердит. Подобное совершенно ему не свойственно. Этот человек абсолютно лишен агрессии. Он любые конфликты (а как геологу, туристу, путешественнику ему с разными людьми приходилось общаться) элементарно переводит в мирное русло. Зачем ему обострять?

Студентом он однажды с тремя рублями в кармане приехал провести меня на Украину, где я служил в армии, два дня колесил со мной по степи в штабном автобусе (суровые ракетчики косились, но только пожимали плечами), угощал меня с этой трешки коврижками, спал неизвестно где, а потом также на халяву укатил на поезде в столицу. Милейший авантюрист, обаяшка, умница!

И еще одна маленькая история про Райкина, которая показывает уникальность всех грантовских воспитанников.

Путеводители по Подмоскovie сообщали, что на реке Наре есть уникальный объект - водопад. Я со своими друзьями-одноклассниками вознамерился его посетить. Наметили маршрут выходного дня протяженностью в 50 км. Не поверите: со своими оболтусами я два года штурмовал эти километры, предпринял три попытки добраться до водопада, но всегда нам что-то мешало: то у кого-то вступало в спину, то на переправе роняли барышню в воду, после чего сушились, и проч. Пожаловался на все на это Райкину. Тот говорит: «Ну что ж, пойдем, поищем твой водопад».

С учетом очевидного коварства намеченной трассы мы выехали вечером в пятницу, планируя две ночевки. Но в первую ночь заварили такого крепкого чая, что не смогли уснуть. Проболтали за жизнь до рассвета и в четыре утра решили топать. Витька потрясаясь ориентировался по карте - нужные просеки, казалось, сами выскакивали под ноги. Возможно, нам просто везло, но везет тем, кто везет! Короче, всего через двенадцать часов (!) мы оказались у водопада, пробежав, как лоси, 50 км.

Увы, нас ждало разочарование: более унылого памятника природы видеть не приходилось. Достопримечательность представляла собой ржавую трубу, торчащую из песчаного берега. Из нее тонкой струйкой стекала в Нару родниковая вода. Рядом шумела автомобильная трасса, толпились автолюбители с канистрами. Мы еле держались на ногах от усталости, а встать с палаткой было негде. Кое-как отползли в сторонку, развели из сырого тальника костер, сварили суп из концентратов и рухнули спать. А с утра, хотя плановый маршрут был уже пройден, пробежали еще 30 км, просто так, для удовольствия... Вот это был туризм! Так здорово ходить у меня ни с кем не получалось. Витька провел мастер-класс, показал настоящую школу.

*С уважением,
Решетников С.Н.*

Добрый день, Оля!

Григорий Артурович переслал мне Ваш вопрос обо мне. Прежде всего хотел бы выразить Вам благодарность за книгу о Гранте Александровиче. Впечатление потрясающее, несмотря на то, что сам я у него не занимался. Это не книга, а машина времени какая-то.

Еще раз спасибо.

О себе: Решетников Сергей Николаевич, журналист (член Союза журналистов СССР), в последние 10 лет уже больше преподаватель (Российский новый университет РосНОУ, кафедра рекламы и связей с общественностью)

Пишите, я с удовольствием откликнусь на Ваши начинания.

3 февраля 2018

Большое спасибо, Сергей. Я уже включила Ваше письмо о Вите Райкине в книгу. И это включу, с Вашего позволения.

Да, книга получилась... гораздо глубже, чем – девчонки, мальчишки! В поход идем срочно! Это – айсберг. То, что скрыто под водой, все равно ощущается... Что я пережила за те два года и за эти 6, пока занималась грантовыми проектами..., этого не передать в словах. Судьбы, судьбы...

*Я не спала всю ночь -
Я думала о людях.
О тех, кто не доволен мной,
И тех, кто любят.*

*Я не спала всю ночь -
Я думала о судьбах.
Тех, что выводят по кривой,
И тех, что губят.*

*Я не спала всю ночь -
Я думала о звездах.
Тех, что сияют надо мной
Светло и грозно.*

И каждый пытался рассказать о себе. Еще бы! Столько лет не виделись! Общалась и с теми, кого не знала: с Леной Волковой, Леной Гунбиной, Николаем Мамыриным, Олей Оленевой, Сеней Цейтлиным (35 англ. школа) – все друзья Вити Гуревича. Да и с самим Витей, повторю, я в лагере не пересекалась. Он был в армии в 72–73 г.г., когда я занималась в кружке. И, конечно, с Мишей Голосовским, другом Вити Райкина: оба они поддержали проект в самом начале.

«Грантизм» держит.
Спасибо за отклик. Я рада, что книга нравится. Иначе... и не стоило бы...

Суббота, 3 февраля 2018

Костер в лесу. Грант, сестры Штукины, Витя Райкин и Ник Саньч Пашинин. Слева на заднем плане – Саша Сачков и Люда Данилина, справа – Надя Николаева. Начало 1970х

Ольга Слободкина-von Brömssen

Так, события развиваются быстро, и книга получается бесконечной... Уже в школе № 354 возобновляется тур. работа с детьми в память Гранта Александровича, и на фб создан пост с фотографией нашей мемориальной доски:

Всем, кому интересно развитие 354-ой Карбышевской школы с ее филиалами туристического направления внеклассной работы. К сожалению, мой вопрос директору на сайте школы не опубликован, так что привожу его здесь [на фб].

Благодаря человеку, мемориальная доска в память которому висит в фойе Дворца детского творчества на

Стопани, многие школы района в прежние годы активно проводили тур. поездки и походы.

В память о нем и в надежде на сегодняшнее развитие тур. работы со школьниками предлагаю всем заинтересованным присоединиться к встрече. Тема: возможность организовать в 354 школе туристическое сообщество. 30 января 2018 г. в 17.00 в Военно-историческом музее в здании школы, Лефортовский вал 10.

А Виктор Петрович Голованов (ему довелось работать с Грантом Александровичем, и он знает некоторых грантовцев, в том числе и Витю Райкина, и тоже в большом восторге от него), известный человек в педагогическом мире, предлагает провести в этом, 2018, году вечер, посвященный 100-летию дополнительного образования в нашей стране, и сделать на нем презентацию нашей книги, собрав и нас, грантовцев, «ожившие страницы книги» (его слова).

Февраль 2018 г.

Неужели она в воздухе? Родительский день совпадал с днем Нептуна.

1972 г.

«Да, два сезона с Грантом (и летних, и зимних) были очень яркими. А есть какие-нибудь фотки про зимний поход из Мурома в Гусь-Хрустальный, например? Не заметил. Армения есть, видел. Ох, как здорово было! Ещё Грант заставил нас всех заниматься бальными танцами».
Николай Мамырин. [Танцует Ира Штукина]

Николай Мамырин

Оля, как обещал, пара слов об армянской поездке. (Скорее всего это было в августе 1968 г.). Как говорится, все что могу :-). Но я сейчас сброшу эту переписку нашему 10-му «Б». Глядишь, коллективный разум (точнее, память) подправит, добавит.

Что я помню про поездку с Грантом в Армению? У меня плохая память на имена – любые, включая географические, но разбуди меня среди ночи и спроси, где был тем летом, заброшаю непривычными русскому уху словами – Эчмиадзин, Цахкадзор, Матенадаран, Гегард, Каджаран...

Вообще главной целью поездки был горный поход. Сначала болтанка на «кукурузнике» АН-2, который приземлил нас на какую-то маленькую взлетно-посадочную полосу в горах. Потом несколько дней лазания по горным перевалам с плотно уложенными рюкзаками. И наконец культурная программа. Точный маршрут похода, в каком порядке посещали города и достопримечательности – стерлось из памяти. Остались эти сочные слова и калейдоскоп цепляющихся к ним, разрозненных, едва различаемых в тумане забвения, но все еще цветных картинок.

На привале в горном селении нам подарили пару барашков. Прежде, чем стать нашим ужином, они какое-то время мирно паслись между палатками. Девчонки объявили голодовку.

В горах впервые принял ванну с минеральной водой. Это была выбоина в скале у горного источника.

Долгое время у меня дома в шкафу лежали страшноватые «булыжники». Я стащил эти куски непереработанной руды на медно-молибденовом комбинате в Каджаране.

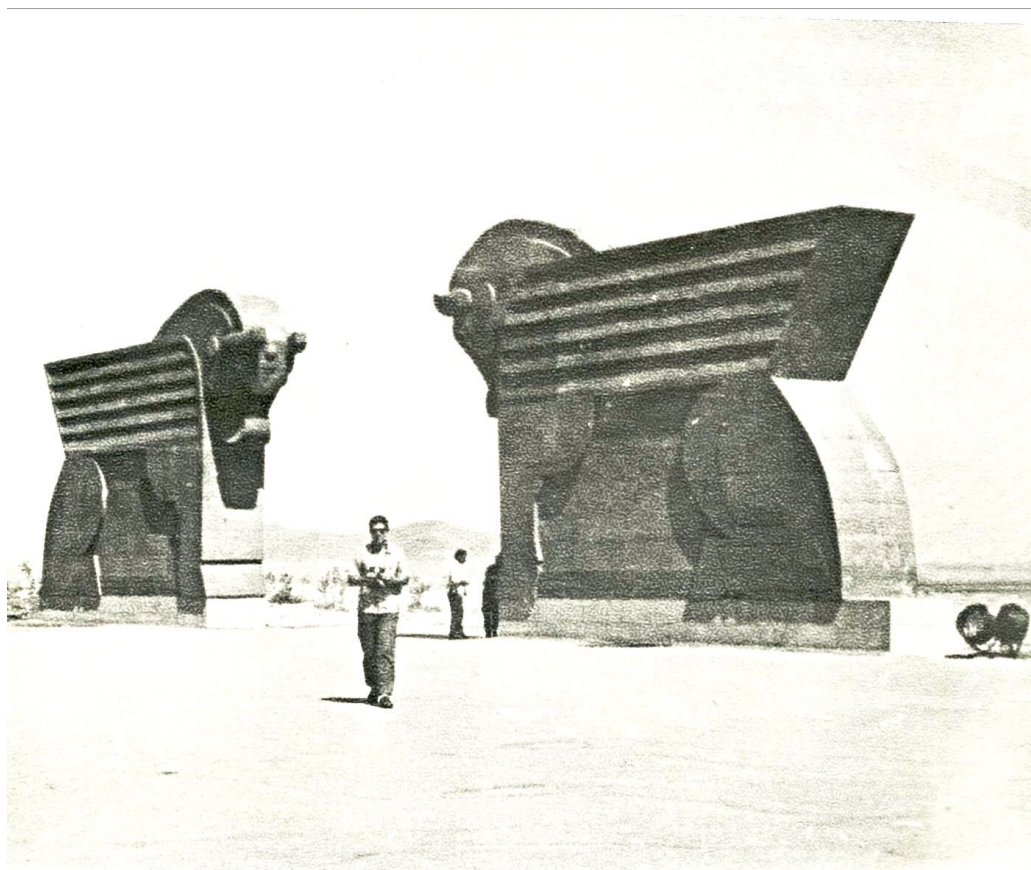
На том же комбинате простые армянские рабочие, прощаясь после экскурсии, обнимали нас и с неподдельной искренностью просили передать привет и благодарность русским в Москве. Вот те крест!

Вообще принимали нас везде с необыкновенным радушием. И как послов с другой планеты.

Местные пионеры, у которых мы гостили в Цахкадзоре, напоили меня козьим молоком. До этого я никогда не пил козьего молока. Их вечерний концерт самодеятельности я вынужден был пропустить, и больше козье молоко перед важными мероприятиями не пью.

Имя Месропа Маштоца я впервые услышал в Матенадаране, хранилище древних рукописей, и запомнил, что он создал армянскую письменность в IV веке. А после Эчмиадзина, резиденции главы армянской церкви, никогда не забывал, что высшая должность в армянской автокефальной церкви называется каталикос. И, кстати, слово монофизитство впервые услышал там. Да и как называются армянские каменные кресты (правильный ответ – хачкары), тоже зацепилось в памяти с тех пор.

Наверное, в том, что в тринадцать лет в мою память так легко вросли эти слова, помогло солнечное детство. И одним из тех, кто делал это детство солнечным, был Грант. Спасибо, Грант Саныч. Спасибо и автору этого проекта Ольге Слободкиной-von Brömssen, которая заставила меня вытащить эти крошечные, но так радующие меня воспоминания из памяти.

Армения. 1968г.

Свою биографию Коля Мамырин написал настолько ярко, что я приведу ее здесь полностью:

Оля, привет!

Ре.: одна строчка.

В 1977 году закончил социально-экономический факультет Института стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ им. Ломоносова по специальности *международные экономические отношения* с присвоением забавной

(особенно по нынешним временам)
квалификации *экономист-востоковед, референт-переводчик амхарского языка*. Интересно, что этот факультет был создан в год нашего окончания школы в 1972 году, и тогда же институт восточных языков (ИВЯ) переименовали в ИСАА. Из примерно сорока студентов первого набора нового факультета трое были выпускниками 35-ой школы из известного тебе 10 «Б». Набирали студентов в четыре языковые группы (китайскую, японскую, арабскую и малайскую). Я подавал документы на арабский. Но когда поступил, появилась вдруг амхарская группа, и всех непривилегированных разночинцев слили туда – не хочешь, свободен. Никто не отказался.

На амхарском языке говорят в Эфиопии и в меньшей степени – в нынешней Эритрее (в то время одной из провинций Эфиопии). Пока мы учились, в Эфиопии свергли императора Хайле Селассие, а как мы только закончили учиться, началась война в Огадене (восточной провинции Эфиопии) с сомалийцами. Поработал совсем немного в Банке для внешней торговли (Внешторгбанке СССР) в Копьевском переулке (праотце нынешних ВТБ и ВЭБа), но уже к декабрю 1977 г. был призван на срочную службу офицером и улетел в Эфиопию военным переводчиком. Победив вместе с кубинцами своих бывших друзей сомалийцев, Советский Союз влез в еще одну войну в этом регионе – с эритрейскими сепаратистами. Сначала – очень успешно, потом совсем не очень, все глубже увязая в этой масштабной, очень кровавой как для эритрейцев, так и для эфиопов, и такой же бесперспективной как афганская, бойне. Командировка растягивалась – сначала вместо двух до трех лет, а потом еще и еще по мере того, как в мозгу у Менгисту, советских советников (и что греха таить, и у меня) загорались новые иллюзии окончательной победы. В

результате к гражданской работе вернулся только в октябре 1981 года.

В банк не вернулся, в другие вожделенные выпускниками идеологических советских вузов (мгимо-инъяз-исаа-виия) места не пошел, а забрел в Редакцию изданий на восточных языках Издательства АПН на Большой Почтовой, поговорил, чем-то приглянулся зав. реду и стал выпускать книги на амхарском языке. Однако вскоре был замечен глав. редом Главной редакции Ближнего и Среднего Востока и Африки АПН на Зубовском бульваре и отправлен обратно в Эфиопию, в бюро АПН, выпускать единственный в то время большой ежемесячный журнал в стране, еще на три года.

Перед российскими катаклизмами 1991 года заехал в Эфиопию последний раз. Со светилами советской африканистики, докторами разных наук, книгами которых я зачитывался на первом курсе, но большинство из которых к 1991 году ни разу в Африке не были. Назывался этот motley crew этнографическая экспедиция Института Африки Академии наук СССР. Там было несколько потрясающих интересных дядек, с которыми я с удовольствием за разговорами выпил немерено джина в местных барах. Начало 90-х. Эта последняя эфиопская командировка была пиром во время всеобщей чумы. В мае 1991 года к Аддис-Абебе подошли войска оппозиции, Менгисту бежал в Зимбабве под крыло Мугабе, мы срочно сели на самолет и улетели в Москву, город пал, и больше в Эфиопию я не приезжал.

Тогда же, в мае 1991 года, я заболел новым ремеслом — экономической и финансовой журналистикой. АПН на рубеже 90-х перманентно изображал метаморфозы, меняя вывески и изрыгая на улицу массы сотрудников, отдавших

свои юные, а многие и зрелые годы внешней пропаганде. Между тем весной 1991 года в агентстве случилось нечто действительно необычное: агентство – о чудо! – захотело выпускать новости. А создаваемой новостной ленте понадобились журналисты хоть что-то знающие про рыночную экономику. На общем фоне повального дилетантства получить эту работу было несложно. Короче, я стал первым правительственным корреспондентом агентства, которое в итоге было переименовано в РИА Новости. Пул кремлевских репортеров тогда был очень узок – ТАСС, РИА Новости, Интерфакс, и всего не больше пяти человек, приближенных к высокопоставленным телам. Работал с Иваном Силаевым, Егором Гайдаром, Виктором Черномырдиным и их министрами. Летал в командировки с Ельциным. В общем за три года работы было много приключений. И все это в надежде, что получится создать приличное агентство экономических новостей. Но довольно скоро этот проект на базе организации, отягощенной дурной наследственностью, стал превращаться в болото. Мне это надоело, и в начале лета 1994 года я улетел учиться в США в Дьюкский университет.

Вообще мое стремление заканчивать вузы носит маниакальный характер. Помимо ИСАА и Дьюка, я умудрился закончить вечернее отделение жур. фака МГУ и получить два государственных диплома о переподготовке из еще двух российских вузов.

Моим главным академическим интересом в Дьюке были финансовые курсы. А моим главным профессиональным интересом в тот период был Блумберг. Поэтому после учебы я позвонил Майклу Блумбергу и получил работу в нью-йоркском офисе его компании в качестве репортера бизнес-новостей. Это был самый волшебный период моих карьер.

Через год работы в Нью-Йорке вернулся в Москву и начал осваивать новую профессию – корпоративные финансы. Занимался ими двадцать лет. В основном в секторе профессиональных услуг (по-советски, это консалтинг). Дольше всего (за два захода) – в Эрнст энд Янге. Но работал немного и в реальном секторе (попросту это где угодно, но не в консалтинге и не в секторе финансовых услуг). В общей сложности – у семи работодателей. В общем, гулял по рынку труда для специалистов в корпоративных финансах, пока он существовал в России. За пределы Москвы в эти двадцать лет выезжаю крайне редко. Сейчас пенсионерствую, но скоро деньги закончатся, и надо будет выйти из дома опять их зарабатывать.

Ну вот, как-то так, если одной строчкой.

Ре.: годы с Грантом

Два года – думаю, в основном, 1967 и 1968 гг.

Серёжа Маренков и Виктор Сурконт (справа) в лагере на Сходне. Конец 1960-х

Ира Нефедова, Николай Мамырин и Лена Гунбина (35 англ. спец. школа). После открытия мемориальной доски Гранту Александровичу во Дворце творчества детей и молодежи «На Стопани». 15 февраля 2014 г.

И, как ответ на вопрос Коли Мамырина про мартовский поход в Гусь-Хурстальный, пришло письмо от Ольги Сабининой (Оленевой).

Ольга Сабинина

О походе в мартовские каникулы

Совершенно незабываемые воспоминания о лыжном походе из Муром в Гусь-Хурстальный. (Март 1969 г.)

Шли по лесным дорогам, по очереди прокладывая лыжню, ночевали в деревенских избах, сельских школах и даже пару раз в лесу на снегу: снег разгребался по возможности до земли, затем место под палатку устилалось еловыми лапами, потом сверху ставилась шатровая солдатская палатка. Внутри, посредине – печка-буржуйка. На одной половине палатки – девочки в спальных мешках, на другой – мальчики. На брезентовом полу палатки температура, наверное, градусов 16, но зато под ее потолком настолько тепло, что сушили носки на внутренних растяжках. Ребята дежурили у печки, по очереди подкладывая дрова, чтобы не погасла. На второй ночевке случилось чп: дрова были сосновые, труба забила сажей, ее пришлось вытаскивать на снег и чистить, все покрылось копотью, особенно костровые (ответственные за печку), все чумазые до неузнаваемости.

Начинали поход, еле-еле проходя 10 км в день, а заканчивали по 32-33 км в день.

Лена Волкова и Ира Штукина в походе Муром-Гусь Хрустальный

Женя Ернылев в походе Муром-Гусь Хрустальный

Гусь-Хрустальный до сих пор памятен своим музеем стекла (с уникальными стеклянными цветами, поющими бокалами, рюмкой с выгравированной на дне мухой как средством борьбы с пьянством непутевого мужа), заводом по производству стекловолокна для обшивки космических кораблей и цехами с более «земной» продукцией: триплексами для автомобилей и просто огромными стеклянными листами для окон, зеркал и чего-то ещё полезного, перемещаемых с помощью гигантских присосок.

Тогда было просто здорово и интересно, потом уже

пришло понимание того, сколько нам дал и этот поход, и многие другие, да и устройство жизни в лагере в целом: умение развести костёр и сварить все, что угодно, в котелке, чувство ответственности, умение справиться с любой задачей. 12-летние дети были завхозами по продовольствию и снаряжению, могли починить сломанную лыжу и накормить группу в 20 человек. Нравилось, что все это было по-настоящему, серьезно и важно.

Спасибо Гранту за редкий и ценный опыт, который он передавал нам, детям. Время, проведённое с ним, было увлекательным и романтичным.

С уважением,
Ольга

февраль 2018

Ольга Сабинина (Оленева)

В 1977 году закончила романо-германское отделение филфака МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности английский язык и литература, работала в научном отделе Библиотеки иностранной литературы, потом жила в Ираке (1978–1982) и в Сирии (1989–1992), так как муж был арабист. В промежутке преподавала английский в Московском электротехническом институте связи, защитила кандидатскую диссертацию на тему Антиутопия в англоязычной литературе XX века (в основном, Хаксли, Оруэлл), которая была в то время первой на эту тему в

нашей стране. Когда я начинала, книги эти находились только в спецхране (кто помнит, что это такое), выдавали их по специальному письму из ВУЗа и прочая..., и прочая... За границей учила детей английскому языку по современным методикам, вернулась с чемоданом учебников, но в 1992 году пришлось начать новую трудовую биографию с нуля.

От секретарши и помощника маркетолога «доросла» до Директора по продажам и маркетингу и Директора по работе с госструктурами в международной корпорации, где проработала без малого 20 лет, учась на ходу, приобретая необходимый опыт и набивая сопутствующие ему шишки.

После появления второго внука ушла с работы и теперь помогаю воспитывать 3-х внуков, перемежая восторги и разочарования воспитательного процесса.

С уважением,
Ольга

Ольга Слободкина-von Brömssen

С тех пор, как книга появилась в Интернете, ее прочитало очень много людей. Вот один из отзывов:

Мария Ставрова – переводчица с испанского языка, арт менеджер художника и скульптора Йослена Арриохаса Орсини (Венесуэла)

Сколько людей, сколько разных судеб – заметных, малозаметных, канувших в лету и дошедших до нас. Если когда-нибудь была бы написана книга всех человеческих судеб, она стала бы... Впрочем, зачем она, когда все наши жизни можно сжать в одну, и Она будет всем?

Это я написала давно, а прочитав твою книгу, Оля, вижу, как ярко она демонстрирует эти слова. Тебе удалось в полной мере это передать – да так, что равнодушным такое жизнеописание не оставит, думаю, никого. Она (книга) – правдива, поскольку писана не «чужим»: ты не просто знала его – ты его чувствовала тем глубинным человеческим чутьем, которое не обманет и не позволит сфальшивить. Тебе хотелось отдать дань благодарности Человеку с большой буквы как пример присутствия Божьего в нас, которое сейчас становится все менее и менее осязаемым, и осознаваемым. Это не описание событий и жизни в каком-то времени, хотя оно, конечно, было, но все же это – описание вне времени, как чего-то вечного, того вечного, человеческого, которое в нас заложено, но которое мы продолжаем искать. Эта книга написана свидетелем жизни Большого человека, но не просто свидетелем, а душой чистой, благодарной и преданной, поэтому я бы сравнила ее в определенном смысле с Библией. Это большой труд, и он дорогого стоит. Олечка, я не знаю, насколько тебе нужны мои слова, но ты большая умница. Я желаю тебе сил, и чтобы эта книга – и не только она, но и вся его жизнь – была бы по достоинству оценена. Обнимаю тебя крепко!

19 февраля 2018

Алексей Григорьевич Чистяков

Уходя во взрослую жизнь, мы не забыли ни одного звука, ни одного запаха, ни одного вздоха или взгляда – мы все это перевели в «спортивную» форму, которая может вновь ожить только при появлении «эндемичных» явлений. И вот появилась Ваша книга

Проанализируйте: каждый отклик на Вашу публикацию, каждое письмо говорит об этом.

Вы дали возможность грантовцам вновь погрузиться в атмосферу любви к ним и их любви к окружающему миру, той любви, которую так бережно преподносил нам Грант Александрович, никогда не говоря об этом, но делами своими постоянно подавая нам пример, и, главное, давая нам возможность проявлять ее по отношению к своим товарищам.

Устанавливать высший приоритет, не принуждая, а проповедуя - в этом заключается мудрость Гранта Александровича и это отличает его от многих других людей. Ну, а нашу юность – от юных лет многих других людей.

20 февраля 2018

С грантовских пор прошло уже без малого полвека (для грантовцев конца 50-х и все шестьдесят лет), а мы все вспоминаем, и вспоминаем с любовью и радостью... И вспоминаем, потому что это было не просто здорово, а – out of this world! И еще одно свойство нашего братства: даже те, которых я не знала, становятся родными людьми, когда

читаешь их воспоминания и смотришь на их фото той поры...

*Что это было?
Промчалось время.
Пара мгновений любви,
удачи,
миг озарения...*

Дух был растрачен.

*Но эта влюбленность осталась
и часто души касалась,
рождая улыбки...*

Боже! Прости мне ошибки!

*Теперь –
только молиться.*

*А время несется,
не возвратится
в русло блаженства...*

*Несовершенство мое
в Небе опять отразится...*

13 марта 2018

*Прощайте вы, прощайте!
Писать не обещайте,
Но обещайте помнить
И не гасить костры
До после восхождения,
До будущей горы,*

*Вот это для мужчин –
Рюкзак и ледоруб!
И нет таких причин,
Чтоб не вступать в игру.*

*А есть такой закон –
Движение вперед,
И кто с ним не знаком,*

Навряд ли нас поймет.

*Прощайте вы, прощайте!
Писать не обещайте,
Но обещайте помнить
И не гасить костры
До после восхождения,
До будущей горы.*

*И нет там ничего —
Ни золота, ни руд,
Там только и всего,
Что гребень слишком крут.
И слышен сердца стук,
И страшен снегопад,
И очень дорог друг,
И слишком близок ад.*

*Прощайте вы, прощайте,
Писать не обещайте,
Но обещайте помнить
И не гасить костры
До после восхождения,
До будущей горы!*

*Но есть такое там,
И этим путь хорош,
Чего в других местах
Не купишь, не найдешь:
С утра подъем, с утра,
И до вершины бой.
Отыщешь ты в горах
Победу над собой.*

*Прощайте вы, прощайте,
Писать не обещайте,
Но обещайте помнить
И не гасить костры
До после восхождения,
До будущей горы!*

Эта книга создавалась с 2012 по 2018 г.

Кавказ

КОНЕЦ

Сведение об авторе проекта

Ольга Слободкина-von Brömssen – поэт, переводчик, преподаватель английского и немецкого, арт-журналист, фотохудожник.

Закончила МГПИИЯ им. Мориса Тореза и Высшие курсы переводчиков при МГПИИЯ им. Мориса Тореза.

Переводила видным представителям культуры и политики, работая в Союзе театральных деятелей, в Союзе кинематографистов, в театральном агентстве «Алмида» в Лондоне, в Национальном институте танца в Нью-Йорке, в журналах Newsweek и Passport Magazine, в Американском посольстве в Москве и других международных организациях.

Автор многочисленных статей по русской культуре, написанных на английском и опубликованных в англоязычных изданиях.

Автор 100 песен в стиле английской средневековой баллады на стихи английских поэтов XVIII–IXX вв. Пела в нескольких ВИА группах. Участвовала во Всесоюзном конкурсе «Фестиваль Поп-музыки» в 1988 г. 4-ое место.

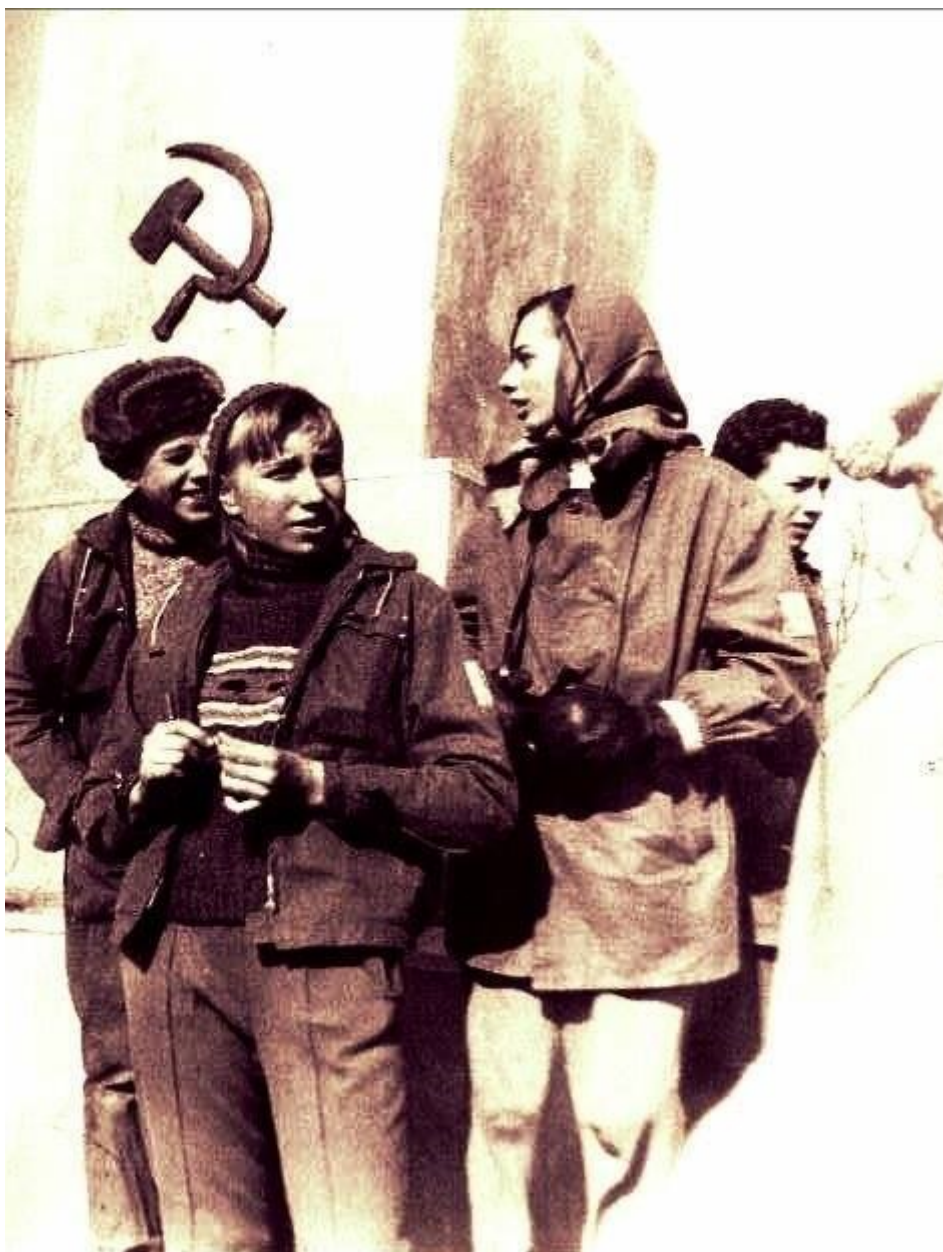
С 1993 года занимается авторской арт фотографией. Провела ряд персональных выставок в Москве, участвовала в Международных выставках с российскими художниками.

Член Международного творческого союза художников при ЮНЕСКО, член Международного союза журналистов, член Российского общества современных авторов.

Ольге Слободкиной-von Brömssen присвоено пожизненное звание народного художника Движения Евразия за вклад в эволюцию.

Художественные переводы Ольги Слободкиной-von Brömssen публиковались издательством «Радуга», приложением к журналу «Иностранная литература», издательством «Художественная литература», издательством «Слово», Cambridge University Press.

Рукописная книга стихов Ольги Слободкиной-von Brömssen «Есть путь земли и Путь Крыльев» (проект ЮНЕСКО), оформленная аутентичными фотографиями автора, с рецензией Нобелевского лауреата Иосифа Бродского, – в художественных музеях мира: в Музее современного искусства в Нью-Йорке, в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, а также в частных коллекциях известных деятелей культуры и политики, например, в личной коллекции Президента Франции Жака Ширака, в коллекции Короля Удайпура Шриджи Арвинда Сингха Мевара и в других уникальных собраниях.

Обложка: Сережа Маренков, Таня Семина, Наташа Душкина, Сеня Цейтлин

Наталья Олеговна Душкина — архитектор, историк архитектуры и градостроительства; специалист по охране культурного наследия, теории консервации, куратор архитектурных выставок.

Еще один вариант обложки, если делать в альбомном формате

Оглавление

Ольга Слободкина-von Brömssen «Энергия счастья или день рождения, который длится сто лет».....стр.

Биография Гранта Александровича Генженцева
(на основе очерка Валерия Кожина
«О нашем учителе»).....стр.

Ольга Слободкина–von Brömssen «История мемориальной доски».....стр.

Сергей Минделевич «Приглашение на открытие мемориальной доски».....стр.

Ольга Слободкина-von Brömssen «Открытие мемориальной доски к 100-летию Гранта Александровича Генженцева во Дворце творчества детей и молодежи «На Стопани». 15 февраля 2014».....стр.

Ольга Слободкина-von Brömssen «Книга или фотоальбом»?..... стр.

Люба Левина «В памяти эпизоды счастья. И юности. С Грантом и его детьми».....стр.

Оленева (ныне Сабинина) «Эпизоды».....стр.

Михаил Голосовский «Лучшие лета нашей жизни»...стр.

Валерий Кожин «Пашинин Николай Александрович»(13.04.34–18.10.2003).....стр.

Ольга Слободкина-von Brömssen «Отзывы»..... стр.

Михаил Антонов «Грант Александрович Генженцев»
(20.1.1913–25.4.1983) *"Мне не забыть той долины.."*стр.

Ольга Назина «Дневник 5 августа 1959 г.».....стр.
Татьяна Николаевна Шуршакова «Воспоминания».....стр.

Ольга Слободкина-von Brömssen «О походе на Байкал и как Грант пришел в нашу школу».....стр.

Ольга Слободкина-von Brömssen «Предисловие к Фанскому походу».....стр.

Елена Волкова «Воспоминания о Фанском походе 1969 г.».....стр.

Ольга Слободкина-von Brömssen «И не только походы вспоминают грантовцы».....стр.

Семен Цейтлин «Эпизоды».....стр.

Мария Локшина «Что нам дал грантовский лагерь»...стр.

Ольга Слободкина-von Brömssen «Хотя пеший равнинно-горный и байдарочный туризм»стр.

Ольга Слободкина-von Brömssen «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». «Памятный знак Гранту Александровичу на Селигере».....стр.

Алексей Чистяков «Письма. Размышления»..... стр.

Ольга Слободкина-von Brömssen «И снова в памяти эпизод».....стр.

Ольга Слободкина-von Brömssen «Послесловие».....стр.

Грантовцы тогда и сейчас.....стр.

Светлая память нашим ушедшим друзьям.....стр.

Ольга Слободкина-von Brömssen «Опуская точки»...стр.

Письма друзей: Михаил Антонов, Алексей Руф, Семен
Цейтлин, Григорий Ключарев, Сергей
Решетников.....стр.
323

Елена Волкова «Хорошая книжка».....стр.

Лена Волкова, Оля Слободкина «О Вите Гуревиче»....стр.

Ольга Слободкина-von Brömssen «События развиваются
быстро».....стр.

Николай Мамырин «Об армянском походе».....стр.

Ольга Сабина «О походе в мартовские каникулы»стр.

Мария Ставрова «Отзыв на книгу».....стр.

Алексей Григорьевич Чистяков «Отзыв на книгу».....стр.

«Прощайте, вы,
прощайте».....стр.

КОНЕЦ ЧАСТИ ПЕРВОЙ